

7. V-house – дом с необычной кровлей от «Gaaga» [Электронный ресурс] - 2016 - Режим доступа: <http://www.archispace.com.ua/?p=2249> (дата обращения: 17.11.16).
8. Stripe house [Электронный ресурс] - 2016 - Режим доступа: <http://www.gaaga.nl/project/stripe-house> (дата обращения: 17.11.16).

УДК 721.054 + 727

Акмен И. Р.

Харьковский национальный университет строительства и архитектуры

КОНЦЕПТ «АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ» И НАРРАТИВНЫЙ КОНТЕКСТ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Введение. Переосмысление сути профессии архитектора рубежа XX–XXI вв. связано с актуализацией феноменологических и антропологических вопросов бытия во всеобщей его выразительности: всё, вплоть до реальности, воспринимается как материал эстетического перформанса, личного переживания, тактильности, темпоральности и т. д. Последствием такого эстетического поворота стало использование архитектурой семиотики «объясняющего рассказа» (нарративной модели) как цели коммуникативной стратегии развития профессии. Нарративный контекст постмодернизма использует рассказ о культурных феноменах и изменениях, происходящих в их историческом бытовании с точки зрения выяснения того, как появляется или трансформируется данный наблюдаемый факт. «До того, как появился мост, Места еще не было. Конечно, до появления моста была река, текущая среди множества участков, которые могли быть заняты чем-то. Но лишь один из этих участков стал Местом, и произошло это благодаря мосту. То есть мост возникает на каком-то месте, а Место возникает только с появлением самого моста» [1, С. 184]. Мифоэпический рассказ М. Хайдеггера, представляет методологию нарративного повествования по поводу идентичности «моста» по отношению к «месту» как исход в феноменологии будущей ситуации при проектировании «места». В архитектурных дискуссиях смысл существования «моста», как пра-

вило, не вызывает споров, однако философские дискуссии о коммуникативном контексте, частью которых мы имеем место быть, обращают архитектурное мышление к форме «размышления», где мифоэпический рассказ М. Хайдеггера претендует на то, чтобы быть правильно понятым. «Ich bin voll da!» – «Я готов слушать!», «Я весь внимание!» – говорит М. Хайдеггер, но его слова мало повлияют на теорию и практику архитектуры середины XX в. Причина состоит в том, что перевернув идеи Просвещения, модернизм постепенно перешел от сосредоточенности на субъекте к нацеленности на объект и объективный мир.

В данной статье утверждается, что объективное мировоззрение и объективный мир находятся в конфликте с сутью архитектуры, ее фундаментальной задачей исследования нашего «бытия и жизни». «Мост растет под нашими ногами, только тогда, когда мы идем» – замечает М. Хайдеггер, указывая, что «умение строить тесно связано с умением жить» [2, 160] и обсуждение общественного статуса архитектурной деятельности становится более актуальным, нежели решение функциональных, технических и эстетических и морфологических проблем «актуальной» архитектуры.

Анализ публикаций показывает, что процесс формирования коммуникативных практик в довольно обширной области гуманитарных знаний, соприкасающихся с архитектурой: философской, культурологической, социологической и

др., представлен в исследованиях С. Аверинцева, М. Бахтина, В. Библера, М. Глазычева, А. Раппапорта, О. Генисаретского, Г. Шедровицкого, В. Паперного, А. Зиновьева, М. Вильковского, Д. Хмельницкого, О. Яницкого, М. Мееровича, С. Ванеяна, Г. Ревзина. Общественная деятельность зодчего на рубеже XIX–XX веков в границах становления проектной культуры исследована Е. Кириченко, В. Ясиевичем, В. Чепеликом, В. Лисовским, И. Казусем, С. Хан-Магомедовым, В. Басом, Е. Черкасовой, Л. Качемцевой [3; 4, С. 170–172]. Особый аспект воспроизводства архитектурной деятельности и становления профессиональных институций представлен в работе А. Буряка, где автор определяет место архитектурному просвещению в сфере архитектурного образования [5]. Вопросы профессионального образования и формирования архитектурной школы рассмотрены также в работах В. Никитина, А. Зинченко, Н. Кондель-Перминовой, Н. Хороян, О. Шипициной. Г. Стернин разрабатывает концепт «художественной жизни» и соотносящейся с ним деятельности профессиональных общественных организаций, выставочной практики, взаимодействия профессионалов и зрителей, процесса художественной критики. Подобную концепцию реализует А. Пивненко на материале художественной жизни Харькова [6]. Непосредственно формирование общественной и профессиональной оценки творчества зодчего как результата становления архитектурной критики, зародившейся с середины XIX века, рассматривает фундаментальный труд С. Заварихина, ставя акцент на самом критическом подходе и нарративном контексте архитектурной деятельности – «живого восприятия архитектуры современниками» [7]. Концепт «архитектурное просвещение» рассматривался автором данной статьи с конца 1980-х гг. в работах по теории и истории архитектуры [8-15] в русле «теории коммуникативного поведения» Ю. Хабермаса [16], теории «диалога как способа взаимодействия сознаний» М. Бахтина [17] и «диалогических» коммуникаций В. Библера [18].

Цель и задачи. Основной целью данного исследования является представление концепта «архитектурное просвещение» и характерное профессиональное и общественное движение в архитектуре с его нарративным контекстом.

Результаты исследования. И здесь необходимо вернуться к философской концепции эпохи Просвещения, ее влиянию на историческое развитие цивилизации двух последних столетий и актуализацию антропологических идей начала XXI в.

Методология Просвещения, начиная с «Опытов» М. де Монтеня в «познании самого себя» и «Салонов» Д. Дидро – писем к публицисту Ф. М. Гримму с обзором парижских выставок, которые не претендуют ни на какую теорию искусства и описывают просвещенный вкус французского общества XVIII в., – состоит в двойственности суждения, так же, как и эпоха «после» модерна. «Какие бы усилия я не производил в пользу моих сомнений, я скорее убежден в существовании тел, нежели в большинстве геометрических истин», – напишет Ф. Вольтер в поисках доказательств своему суждению, «что геометрические истины обретают реальность лишь в моем уме, я мог бы заподозрить свой разум в заблуждении» [19, С. 250]. Сопоставляя в двух смысловых плоскостях науку и искусство, разум и воображение, рассудок и чувствительность, природу и свободу и т. п., антропологическая парадигма Просвещения предлагает расширенный взгляд на проблему человека в контексте последующих культур и способов самовыражения профессиональной деятельности и «архитектурного просвещения» в том числе. «Надо не сочинять умные книги, а разумно вести себя в повседневности, надо не выигрывать битвы и завоевывать земли, а наводить порядок и устанавливать мир в обычных жизненных обстоятельствах» [20, С. 320]. Исследование проблемы образцов человеческого поведения, форм передачи профессиональных знаний и реакции общественности на спорные вопросы архитектуры от эпохи Просвещения до эпохи «после» мо-

дернизма, видится путем включение анализа нарративного контекста в методологические модели (рис. 1), являвшиеся основой проектирования сферы профессиональной деятельности [21].

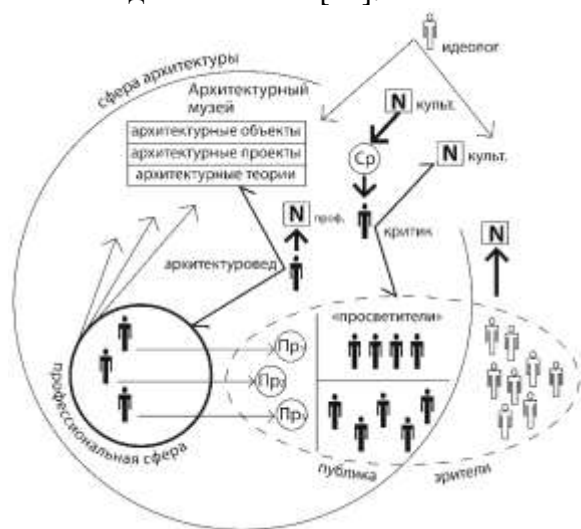


Рис. 1. Модель «архитектурного просвещения»

Предложенная на методологическом семинаре аспирантов модель «архитектурного просвещения» в рамках темы диссертационного исследования И. Акмен: «Архитектурное просвещение общественности в России (конец XVIII – начало XX вв.)» 2 марта 1988 г. была обсуждена участниками – А. Буряком, А. Яровым, Ю. Чудновским, Е. Ремизовой, И. Акмен [Хлюпиной] и стала основой публикаций, связанных с представлением коммуникативных процессов в профессиональной сфере [22], перспективных исследований в системе архитектурного образования [23] и партисипационных процессов в культуре [24].

В начале XXI в. сложившаяся культурная ситуация приблизила архитектурную теорию к исследованию субстанции нарратива, антропологии повседневности [25] и языка как средства общения и мышления [26]. Применительно к архитектуре нарративный контекст (совокупность текстов, описывающих организацию пространства коммуникации), лейтмотивом которого стало утверждение, что функционирование различных форм знания можно понять только через рассмотрение

их повествовательной природы, проявляет себя в несовпадении позиции при оценке информации с точки зрения отправителя (архитектора) и получателя (публики) архитектурного текста [27].

В методологическом плане сам метод текстологического исследования (деконструкция), предполагающий выявление внутренней противоречивости текста (отправителя и получателя) и обнаружения в нем скрытых «спящих» смыслов [28], достался архитектурной теории в наследство от дискурсивных практик модернизма (функциональных, технических, эстетических и морфологических). Также, формируя наше «бытие и житие» как совокупность коммуникативных и лингвистических конструкций, определяемых социальными процессами и их участниками, постмодерн изменил позицию исследователя. Если раньше исследователь стремился занять позицию стороннего, объективного наблюдателя, то теперь его деятельность характеризуется включенностью в конструирование повседневной жизни. Это позволило постмодерну утверждать неизбежность многовариантного и бесконечного интерпретативного процесса и приоритет обыденного знания, где особую роль играет нарратив. Историческое объяснение дискурсивных практик прошлого остается общественной необходимостью: оно стало составляющей не только познавательных процессов, но и ориентацией людей в своем «бытие и житие». Любая процедура выработки стратегии поведения требует опоры на историю, в том числе и в повседневной жизни: осуществляя свой выбор на будущее, мы всегда обращаемся к прошлому. Прошрое в таком контексте возникает как объект, требующий рефлексии и напряженного исторического понимания.

Выводы. Расширяя имеющиеся границы исследований концепта «архитектурное просвещение», автор трактует историческое прошлое предмета в нарративном контексте феноменологии и антропологии эпохи «после» модернизма опираясь на скрытый смысл субъективизма Просвещения. Множественные времен-

ные взаимоотражения суждений теоретических, методологических, источниковедческих не претендуют на конечную достоверность и категоричность высказанных мнений. Автор считает, что проведенная работа оставила след только начала понимания сложности исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Хайдеггер, М. Строить, мыслить, обитать / Мартин Хайдеггер; пер. с нем. С. Ромашко // Проект International. – 2010. – № 20. – 212с.
2. Heidegger, M. Poetry, language, thought / Martin Heidegger. – New York: Harper & Row, 1971. – 229 с.
3. Качемцева, Л. В. Архітектурна просвіта громадськості в Харкові (кінець XIX – початок XX ст.) /Л. В. Качемцева // Традиції та новації у вищій архітектурно-художній освіті. – Х.: ХХІІІ, 2008. – Випуск 1, 2, 3. – С. 213–214.
4. Давидич, Т. Ф. Особенности развития архитектуры и феномен архитектурного просвещения общественности в Харькове середины XIX – начала XX вв. / Т. Ф. Давидич, Л. В. Качемцева // Сучасні проблеми науки та освіти; матеріали 15-ї Міжнародної міждисциплінарної наук. - практич. конф. 24 червня – 03 липня 2016 р. – Х.: Українська Асоціація «Жінки в науці та освіті», Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, 2016. – 269 с.
5. Буряк, О. П. Процеси та інститути відтворення архітектурного професіоналізму у вітчизняній архітектурі 2-ї пол. XX – поч. XXI ст. : дис. д. архіт.: спец. 18.00.01 «Теорія і історія архітектури, реставрація пам'яток архітектури» / О. П. Буряк. – Х.: ХНУБА, 2015. – 387 с.
6. Пивненко, А. С. Художественная жизнь города Харькова второй половины XIX – начала XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1990. – 16 с.
7. Заварихин, С. П. Русская архитектурная критика (середина XIII – начало XX вв.). / С. П. Заварихин. – СПб: Изд-во Ленинградского университета, 1989. – 224с.
8. Акмен [Хлюпина], И. Р. У истоков архитектурного просвещения / И. Р. Акмен // Тезисы науч.-теоретич. конф. асп. и преп. МВХПУ б. Строгановское. – М., 1989. – 3бс.
9. Акмен [Хлюпина], И. Р. Воспитание гражданского самосознания средствами архитектурного просвещения / И. Р. Акмен // Актуальные вопросы патриотического и интернационального воспитания средствами культуры и искусства на современном этапе: Тезисы докладов Республ. науч.-теоретич. конф.; под общ. ред. В. Н. Шейко.– Х.: ХГИК, 1989. – 190 с.
10. Акмен [Хлюпина], И. Р. О культурологической форме развития архитектуры / И. Р. Акмен // Актуальные проблемы архитектуры и градостроительства: Материалы 44-й науч.-технич. конф. ХИСИ / Харьковск. инж.-строит. ин-т. – ВНИИТАГ. – 1992. – Вып. 3. – № 823/3. – 280 с.
11. Акмен, И. Р. Конкурсный проект «Банк» Н. В. Васильева – А. И. Ржепишевского : Тернии провинциального просвещения / И. Р. Акмен // Сучасні проблеми архітектури та містобудування: Наук.-техн. збірник / Відпов. ред. М. М. Дьомін. – К.: КНУБА, 2014. – Вип. 35. – С. 3–10.
12. Akmen, I. R. International architectural competition practice late XIX – early XX centuries (based on «Zotchij» magazine publications) / I. R. Akmen, K. V. Senko // European Science and Technology: 9th International scientific conference. – Munich, 2014. – P. 24–29.
13. Акмен, И. Р. Стилистические особенности украинского модерна: диспуты и реалии архитектурного просвещения / И. Р. Акмен, П. А. Дзюбенко, Е. Н. Леонидова // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость: научный журнал. – Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2015. – № 3 (14). – С. 109–121.
14. Акмен, И. Р. Архітектурне просвітництво за часи відтворення українських інституцій початку XX ст. // Суспільні науки: напрямки та тенденції розвитку в Україні та світі: матеріал. міжнар. наук.-практич. конф., 17–18 липня, 2015 р. – Одеса: ГО «Причорноморський центр досліджень проблем суспільства», 2015. – С. 52–54.
15. Акмен, И. Р. Архітектурна просвіта та ідея модернізації української традиції в архітектурі 20-х – 30-х рр. XX ст. / И. Р. Акмен // Сучасні проблеми архітектури та містобудування: Наук.-техн. збірник / Відпов. ред. М. М. Дьомін. – К.: КНУБА, 2016. – Вип. 43. – Ч. 1. – С. 16–27.
16. Хабермас, Ю. В поисках национальной идентичности: Философские и политические статьи / Ю. Хабермас. – Донецк: Донбасс, 1999. – 123 с.

17. Бахтин, М. М. К методологии гуманитарных наук / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
18. Библер, В. С. Мышление как творчество: Введение в логику мыслительного диалога / В. С. Библер. – М.: Политиздат, 1975. – 399 с.
19. Вольтер, Ф. Метафизический трактат / Ф. Вольтер // Философские сочинения. – М.: Наука, 1988. – 751 с.
20. Монтень, М. Опыты: Избранные произведения в 3-х томах / Мишель Монтень; пер. с фр. – М.: Голос, 1992. – Т. 3. – 416 с.
21. Буряк, А. П. Архитектурный вуз и производственная сфера / А. П. Буряк, В. К. Горожанкин, А. В. Яровой // Вопросы методологии. – 1994. – № 1–2. – С. 69–82.
22. Яровой, А. В. Становление и развитие профессиональной организации в европейской архитектуре XIII – XX вв.: дис. канд. архит.: 18.00.01 «Теория архитектуры, реставрация памятников архитектуры» / А. В. Яровой. – Х.: ХИСИ, 1987. – 156 с.
23. Буряк, О. П. Організація архітектурної професії в Нідерландах як парадигма для України // Традиції та новації у вищій архітектурно-художній освіті. – Х.: ХХП, 1999. – № 2–3. – С. 66–73.
24. Буряк, А. П. Среда и программы участия / А. П. Буряк, Е. И. Гелла // Традиції та новації у вищій архітектурно-художній освіті. – Х.: ХХП, 1997. – № 5. – С. 62–64.
25. Губогло, М. Н. Антропология повседневности / М. Н. Губогло. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 752 с.
26. Дженкс, Ч. Язык архитектуры постмодернизма / Ч. Джекенс. – М.: Стройиздат, 1985. – 136 с.
27. Горожанкин, В. К. Архитектуроведение и драматургический подход: Сообщение 3: Сценарное моделирование архитектурной среды / В. К. Горожанкин // Традиції та новації у вищій архітектурно-художній освіті. – Х.: ХХП, 2008. – Выпуск 1, 2, 3. – С. 197–200.
28. Деррида, Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только / Жак Деррида; пер. с фр. Г. А. Михалкович. – Минск: Современный литератор, 1999. – 832 с. – (Серия «Классическая философская мысль»).

УДК 72.01

Давідч Т.Ф., Качемцева Л.В., Музика О.Р.

Харківський національний університет будівництва та архітектури

ПРОЕКТ КОМПЛЕКСУ ХАРКІВСЬКОГО ІНЖЕНЕРНО-БУДІВЕЛЬНОГО ІНСТИТУТУ 1930 РОКУ

Постановка проблеми. Система просвіти в Україні нині реформується. Архітектурні комплекси, що проектуються, будуються та реконструюються для вищих навчальних закладів, повинні відповідати найсучаснішим суспільним вимогам щодо цих об'єктів. Багаторічний досвід, що накопичився в нашій країні, демонструє, що кращі розробки в цій галузі фіксують найбільш прогресивні та актуальні підходи у проектній та будівельній практиках своєї епохи. Проект Харківського інженерно-будівельного інституту 1930 р. є саме таким прикладом, бо він з'явився також на зламі часів - в період перебудови та реформування освітньої галузі наприкінці 1920-х – початку 1930-х

рр. з ціллю максимального наближення освіти та науки до виробництва.

Мета статті – виявити особливості проектування вищих навчальних закладів України наприкінці 1920-х – початку 1930-х рр. на прикладі комплексу Харківського інженерно-будівельного інституту.

Аналіз останніх публікацій. За останні роки цієї теми в своїх роботах торкалися: Давідч Т.Ф. [1], Душкіна Н.О. [2], Киреева Н.О. [3], Мироненко В.П. [5], Солобай П.А. [5], Ольховська О.В. [6].

Основний зміст. В липні 1928 р. у зв'язку з прийняттям першого п'яти-річного плану в СРСР було прийняте настановлення про реформування вищої школи на основі її максимальної спеціалізації та